

Н. ГРОМОВА.

Студентка III курса филологического ф-та.

ЛЕКСИКА ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»

30-е годы XIX века были в русской литературе периодом господства поэзии. Это были годы расцвета поэтического таланта А. С. Пушкина, вокруг которого группировались другие поэты пушкинской плеяды. В начале 40-х годов настойчиво проявляется стремление к прозе. Общее увлечение поэзией отходит на второй план¹.

Но и в области создания художественной прозы первенство снова принадлежит Пушкину. С точки зрения языка проза Пушкина открывает новую страницу в русской литературе.

Пушкин разграничивал язык поэзии и язык прозы, считая необходимым достоинством последней предельную простоту и ясность. Он стремился создать новую форму для нового реалистического содержания, разрушить традиционную цветистость языка, особенно культивировавшуюся писателями-романтиками. «Чистая, содержательная повествовательность, свободная от стилистической украшенности, рассматривается им как достойнейшая задача, как основной предмет его настоящей писательской работы»².

В процессе творчества Пушкина создается новый язык прозы: простой и конкретный, яркий и живой, близкий к народному и в то же время по-настоящему литературный. И создаётся он не случайно, а в результате определённых взглядов А. С. Пушкина на язык, которые он сам высказал в следующих словах: «Точность, опрятность — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей. Без них блестящие выражения ни к чему не служат»³.

¹ В. Г. Белинский. Литературные мечтания, 1834.

² Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века, Киев, 1941, стр. 113.

³ А. С. Пушкин. Начало статьи о русской прозе, 1822.

Эти теоретические установки нашли практическое выражение в языке и стиле его повестей и рассказов.

В 1830 году были написаны «Повести Белкина». В число их входят пять небольших рассказов, различных по содержанию, но связанных между собой не только одним вымышленным автором Белкиным, но и общим колоритом, общей языковой целеустремлённостью. В предисловии «От издателя» сказано, что повести записаны Иваном Петровичем Белкиным от разных лиц, в частности, две из них («Метель» и «Барышня-крестьянка») рассказаны автору девицей К. И. Т. Это наслоение авторов дало основание некоторым исследователям разграничивать при анализе элементы языка названной девицы, И. П. Белкина и, наконец, самого Пушкина. «Повести Белкина» нельзя назвать стилизацией, но нельзя также обойти молчанием утверждение С. И. Абакумова, что «...ориентируясь на образ Белкина, Пушкин получил возможность строить язык художественной прозы..., объединяя в единый стройный поток русского литературного языка те языковые элементы, которые могли встречаться не только в речи «салона», но и в гораздо более мирной демократической среде»¹.

Именно в «Повестях Белкина» реализуются взгляды Пушкина на язык, именно здесь проводит он решительную борьбу с вычурностью и искусственностью романтического стиля, с жеманством салонной прозы Карамзина.

Обратимся теперь к повести «Барышня-крестьянка». Она легка и изящна по стилю и по содержанию. Исследователь Лежнёв называет ее «самой легкой и благополучной»² из повестей Белкина. Характеризуя «Повести Белкина» вообще, Н. О. Лернер пишет: «Не принадлежа, правда, к лучшим цветам пушкинского венка, рассказы Белкина — умная, светлая книга, будящая хорошие чувства. Поразительна простота приёмов, с которыми изображён целый ряд картин, то печальных, то идиллических; на всём в них лежит мягкий колорит тёплого облачного, но ясного дня ранней осени, всё рассказано легко и бесхитростно»³.

Эта общая характеристика «Повестей» может быть безоговорочно отнесена и к «Барышне-крестьянке» в частности. Эпи-

¹ С. И. Абакумов. Из наблюдений над языком «Повестей Белкина». М., 1937, стр. 77.

² А. Лежнёв. Проза Пушкина. М., 1937, стр. 316.

³ Н. О. Лернер. Проза Пушкина. Петроград—Москва, 1923, стр. 36.

графом к «Барышне-крестьянке» служит строка из поэмы Богдановича «Душенька» — «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша». Этот эпиграф, взятый из изящной «ирои-комической» поэмы, позволяет предугадать легкий и шутливый тон повести, героиней которой является миловидная молоденькая девушка, а в основу сюжета положена любовная интрига с благополучным исходом, рассказанная не без оттенка добродушного юмора.

Создавая новый язык прозы, А. С. Пушкин должен был исходить из языковых традиций Карамзина, сохраняя невольно кое-что из присущего его стилю и в то же время постепенно разрушая его. Абакумов говорит: «Общей задачей «Повестей Белкина» в языковом отношении было — преодолеть ограниченность, условность и вычурное жеманство языка Карамзина и его последователей, сделать и язык орудием реалистического письма»¹.

Задача разрешена блестяще. Но все пять повестей можно расположить по степени близости к стилю Карамзина и установить разницу между ними в этом отношении. «Барышня-крестьянка» ближе всех к прозе Карамзина. Абакумов замечает, что «только в одном из рассказов «Повестей» можно отметить случаи, когда фразеология Пушкина несколько сближается с фразеологией Карамзина — в «Барышне-крестьянке»... Но и эти места лишены самого главного в стиле Карамзина — подчеркнутой чувствительности, т. е. именно жеманства»².

Описание раннего утра в лесу, где Лиза должна встретиться с Алексеем, напоминает описание природы при встречах Лизы и Эраста («Бедная Лиза»). Очевидно, именно это место имел в виду Абакумов, говоря о рассказе «Барышня-крестьянка»: «Отдельные места в нём по своей тональности очень напоминают Карамзина»³.

Встречаются излюбленные существительные Карамзина на «ость» с абстрактным значением, типа «мечтательность», «разочарованность» и т. д. В небольшой по объему повести число их доходит до 20. Есть пример типичной для Карамзина кальки с французского «самобытность». Встречается присущее буколической лексике Карамзина слово «поселянка», синонимичное

¹ С. И. Абакумов. Цитиров. работа, стр. 89.

² С. И. Абакумов. Цитиров. работа, стр. 78, 80.

³ С. И. Абакумов. Цитиров. работа, стр. 80.

общеупотребительному «крестьянка» («Привыкнув не церемониться с хорошенькими поселянками, он было хотел обнять её»). Карамзин считал нужным писать недлинными, неутомительными предложениями. Такому же правилу следует и Пушкин. Но этими отдельными чертами ограничивается сходство с Карамзиным. Есть слова, присущие лексике Карамзина, но употреблённые Пушкиным совсем по-новому. Для Карамзина характерно обилие оценочных эпитетов. В «Барышне-крестьянке» их всего 13; все они просты и лишены сентиментальной окраски (добрый, смешной, приятный); некоторые из них сближаются с народной лексикой (молодец, этакого бешеного и т. д.). 4 из 13 оценочных эпитетов выражают отношение героев, а не автора. Бесконечно повторяющийся у Карамзина эпитет «нежный» приобретает у Пушкина новый оттенок значения: «Дёрн колол её нежные ноги». Здесь употребление эпитета «нежные» обусловлено конкретными причинами: ноги Лизы, воспитанной в неге барской жизни, не привычны к дёрну и колючкам — она никогда не ходила босиком¹. Второй типичный эпитет Карамзина «любезная» в языке Пушкина субстантивируется и получает конкретное значение: «возлюбленная» («...и там на синей простой бумаге находил он каракульки своей любезной»). При дальнейшем анализе будет видно, что в лексике повести встречаются элементы народного языка и просторечья, недопустимые для Карамзина.

Анализируя язык пушкинской прозы, В. В. Виноградов отмечает наличие принципа лексической ясности и точности, обусловленного «тенденцией к простому называнию предметов и действий — в противовес поэтическим «украшениям» сентиментально-романтических стилей»². Эта борьба с романтическим стилем ярко выступает и в лексике «Барышни-крестьянки». Широкой струёй в повесть вливается бытовая лексика. Фигурируют названия таких «прозаических» предметов, присутствие которых совершенно недопустимо в романтических повестях того времени. В «Барышне-крестьянке» встречаем «кузовок на верёвочке», «толстое полотно», «плисовую куртку», «кущую кобылку», «китайку», «медные пуговицы», «пару лаптей», «сертук», «полтину» и т. д.

Встречается много народных слов и оборотов речи («на-сурмлена пуще самой мисс Жаксон», «на ту пору овдовев»

¹ Этот, как и следующий примеры указаны Абакумовым.

² В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 581.

и т. д.). Для оценки Алексея Пушкин прибегает к русскому народному слову «молодец». Два слова, встречающиеся в повести, находим в словаре 1847 года с пометкой «народное». Это слово «вечор», употреблённое Лизой в роли крестьянки, и слово «чернавка». Последнее требует разъяснения. В словаре 1847 года оно указано с двумя значениями: «женщина или девица, имеющая черные волосы и брови» (следовательно, синоним брюнетки) и «корова чёрной масти». Употребив это слово в 1830 году, Пушкин придавал ему, безусловно, другое значение: «Лизе было совестно показаться перед незнакомцами такой чернавкою», т. е. загорелой, простенькой девушкой, выросшей в деревне. Слово «чернавка» встречается в народных сказках (вроде «Золушки»). Его употребляет Пушкин и в сказке «О спящей царевне и семи богатырях». Как видим, значение его своеобразнее и ярче тех, которые указаны в Академическом словаре 17 лет спустя. В повести встречаются народные пословицы и поговорки: «Вольному воля, а дорога мирская», «Стерпится—слюбится», «грех сказать» и т. д.

Эпитеты в повести просты и конкретны: обозначают, например, цвет «смуглое лицо», «чёрные глаза», «беленькие пальчики»); в описании пейзажа встречаем эпитеты, характеризующие звуковую сторону («глухой, перекатный шум»), они тоже конкретны. В описании портрета также нет ничего натянутого: «смуглая Лиза», «стройный стан», «очень приятное лицо». Главный герой в описании Насти обрисован тоже совершенно просто: «стройный, высокий, румянец во всю щеку». В повести есть много эпитетов, присущих романтикам, есть установившиеся в романтической лексике фразеологические сочетания, но употребление их в повести носит явно иронический характер. Алексей говорил «об утраченных радостях и об увядшей своей юности», он явился перед уездными барышнями «мрачным и разочарованным», но «несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность», автор тут же характеризует его как «доброе и пылкое малое» («малый» — явное просторечье), с румянцем во всю щеку, весело ухаживающего за всеми хорошенькими девушками. Этим подчёркивается искусственность его разочарованности, а в другом месте прямо указывается преднамеренность Алексея в желании казаться томным и мрачным: «Он решил, что холодная рассеянность во всяком случае всего приличнее». А дальше следует замечание: «и прекрасное

военное движение Алексеево пропало втуне» с явно ироническим употреблением оценочного эпитета «прекрасное» и возвышенного славянизма «втуне». Само слово «романический» трижды употреблено в повести с несомненной иронией. Так, Муромский насмешливо спрашивает Лизу, не желающую выйти к гостям..., «или ты питаешь к ним наследственную ненависть, как романическая героиня?» и тут же добавляет: «Полно, не дурачься!..» Такое сочетание лексически разнородных слов («романическая героиня» и «не дурачься») неоднократно используется в повести и является также одним из средств снижения, разрушения высокого стиля; например, сочетание «каракульки своей любезной». С нескрываемой иронией говорится о письме Алексея, написанном «самым чётким почерком и самым бешеным слогом».

Сравнения просты и большей частью взяты из быта. Есть только один сложный образ, включающий в себя сравнение и олицетворение: «и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя». Употреблён он именно в том единственном описании утра, которое (как говорилось выше) напоминает стиль Карамзина. Остальные сравнения совершенно другого характера: «и несколько раз качала головою наподобие глиняных котлов», «Берестов отвечал с таким усердием, с каковым цепной медведь кланяется господам по приказанию своего вожака» и т. д. Даже для абстрактного понятия «души» с той же неизменной иронией находится бытовое, конкретное сравнение: «...и делают души столь же однообразными, как и головные уборы».

В противоположность писателям-романтикам, подробно описывавшим трогательные сцены и объяснения, постепенное развитие чувств и отношений, Пушкин, как отмечает Цейтлин, «всемерно сжимает чисто сюжетные перипетии своей прозы»¹, придавая повести динамичность, прерывает себя обращениями к читателю: «Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость...» И дальше: «Эти подробности вообще должны казаться приторными; итак я пропущу их...» Как только действие повести доходит до мо-

¹ А. Цейтлин, Мастерство Пушкина, М., 1938, стр. 264.

мента, дающего право Муромскому воскликнуть: «Ага! Да у вас, кажется, дело уже совсем слажено!», а читатель свободно может предугадать финал, автор заканчивает повесть следующими словами: «Читатель избавит меня от излишней обязанности описывать развязку». Очевидно, и здесь — желание избежать «приторных подробностей».

Само повествование ведется в двух стилях: в описательном и разговорном. В описательном много инверсий (28 случаев), хотя вообще синтаксис повести прост и лишен витиеватости.

При анализе надо разграничить лексику автора и отдельных персонажей. Авторская речь в повести состоит из самых разнообразных лексических элементов.

Большая часть указанной выше бытовой лексики приходится на долю авторской речи. В ней же встречаются абстрактные понятия, употребляемые больше в ироническом плане в установившихся фразеологических сочетаниях («сладкая мечтательность», «холодная рассеянность», «мрачная разочарованность»). Цель их употребления указана выше (борьба с романтическим стилем). В обрисовке портрета Лизы встречаются элементы эмоциональной лексики: существительные и прилагательные с уменьшительными суффиксами: «когда прикоснулся он к её бolenьким пальчикам», «милая смуглая Акулина не в сарафане, а в белом утреннем платье сидела у окна», «между тем он успел заметить ножку...», но за этим ласкательным «ножку» следует неизменное ироническое добавление: «с намерением выставленную и обутую со всевозможным кокетством».

Эпитеты в большинстве являются оптимистическими, или мажорными (по терминологии Цейтлина): «чистое сердце», «веселое предположение», «ясное небо», «молодые проказы», «забавная шалость», «радостное восклицание». В ироническом плане употреблено несколько метафорических эпитетов: «пламенные взгляды», «сладкая мечтательность» и т. д.

В повести встречаются элементы охотничьей лексики (стремной, борзые, лягавая) и военной (мундир, отставка, гвардия).

Интересно в языке автора выражение мыслей и чувств героев без употребления прямой и даже косвенной чужой речи (традиция, идущая от школы Жуковского). В. В. Виноградов называет этот приём «скольжением слов и образов по

границ разных сфер чужой речи»¹ и ставит его в число 14 основных приёмов пушкинского стиля («...она не смела просить, ...она была уверена, что добрая, милая мисс Жаксон простит ей», «он вошел и остолбенел! Лиза... нет, Акулина, милая смуглая Акулина... сидела перед окном и читала его письмо»).

Церковно-славянизмов в повести почти нет. В одном месте употреблено, правда, целое предложение из церковно-библейской фразеологии: «Сие да будет сказано не в суд и не во осуждение» с уже знакомым нам снижающе-ироническим значением.

Говорить об архаизмах почти не приходится. Архаизмом было, например, слово «наперсница», но оно употреблено у Пушкина скорее как термин поэтики: «Настя была в селе Прилучине лицом гораздо более значительным, нежели любая наперсница во французской трагедии». Слова, воспринимаемые нами как архаизмы грамматического порядка («метода», «сертук» и др.), находим в словаре 1847 года без пометки устарело.

Иностранные заимствования в повести занимают значительное место. Совершенно естественно, что среди них больше всего галлицизмов (сильное влияние французского языка, господствовавшего в русском дворянском обществе того времени). Французские названия употребляются при описании наряда Лизы: «рукава à l'imbécile торчали, как фижмы у *madame de Pompadour*». Прическа Лизы сравнивается с париком Людовика XIV. Новое для русского обихода слово «самобытность» А. С. Пушкин поясняет в скобках французским «*individualité*», калькой с которого оно является. Объяснение было необходимо, так как даже в словаре 1847 года слово «самобытный» отмечено в значении «существующий сам по себе», т. е. синонимичном понятию «самостоятельный». Заимствованиями с французского являются слова: «тартинка» (с русским грамматическим оформлением), «ломбард», «бриллианты». Интересно, что влияние французского языка привело к оригинальному сочетанию слов: «У его дочери была мадам англичанка» («мадам» — в значении гувернантка). Есть в повести изречение «*Nota nostra manet*», приведенное как слова латинского комментатора, в отступлении с целью особого проявления авторского красноречия.

¹ В. В. Виноградов. Цитиров. работа, стр. 582.

У англомана Муромского «конюхи были одеты английскими жокеями» («жокей» — заимствование из английского).

В повести упоминаются различные писатели, литературные произведения и герои, что свидетельствует о литературной «пропитанности» рассказа. Есть ссылка на Жан Поля (Рихтера), упоминается Зоил, Ланкастер, «Памела». Из русских упомянуты «Наталья Боярская дочь», герой Фонвизина Тарас Скотинин. Приведена цитата из Шаховского «но на чужой манер хлеб русской не родится»; органически связанная с текстом и выделенная только курсивом. Якубович называет этот стих «вторым внутренним эпиграфом к повести». Привлекает внимание сравнение из окружающей Пушкина общественно-литературной жизни: «англоман выносил критику столь же нетерпеливо, как и наши журналисты».

Несмотря на обилие литературных цитат и ссылок, авторская речь содержит много элементов просторечья и народных слов. К просторечью надо отнести твердое склонение слова «сосед» («по усердию соседов»), многократный вид глагола («которые не живали в деревнях»), окончание «у» в родительном падеже («от ушибу не был он в состоянии доехать»). Ориентацией на народную речь является, несомненно, и форма полного прилагательного на «ой»: «Это был настоящий русской барин».

Остановимся теперь на лексике персонажей. Главная героиня Лиза является в повести то сама собой, то играет роль крестьянской девушки. Это отражено в её лексике. Лиза-барышня говорит, как типичная дворянская девушка того времени. В её уста вложена целая французская фраза в конце повести. Принимая гостей, «Лиза жеманилась, говорила нараспев и только по-французски». Лиза-крестьянка употребляет просторечья («вечор», «взаправду», «кличешь», «вишь»; «баишь»; «те» — усечённая форма от местоимения «тебе»); в её речи встречаются грубоватые выражения («дура безграмотная»). Лиза клянётся «святой пятницей», отвечает Алексею пословицей «Вольному воля, а дорога мирская», употребляет полуиронически смиренное выражение «прошенья просим».

Алексей в повести беседует в основном с мнимой крестьянкой и стремится сделать свою речь доступной её пониманию. Обращение его с Лизой фамиллярно-ласковое: «Небось, милая» — сказал он Лизе».

Очень интересна лексика Насти. Вопрос этот привлекал внимание отдельных исследователей (Цейтлин, Лежнёв). «Настя говорит почти на том же языке, что и её барышня; — отмечает Цейтлин, — это и естественно. Она уже оторвалась от деревенской среды и, повидимому, вполне акклиматизировалась в барской усадьбе... Вежливая приставка «с» — единственная дань Насти положению наперсницы»¹.

Рисуя образ Насти, Пушкин, со свойственным ему художественным тактом, лишь изредка пересыпает язык её элементами просторечья: «да этакого бешеного я и сроду не видывала», «да, грех сказать, никого не обидел, такой баловник», «да мне наплевать на них». Исследователь Лежнёв пишет: «Словарно речь Насти сильно нейтрализована. Упор на бытовом жесте, на темпе рассказа, на отборе подробностей»².

Описывая именины в Тугилове, Настя передает мельчайшие подробности, выводя из терпения Лизу. Характерно наизывание имён и обстоятельные перечисления: «Пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька...», «Были колбинские, захарьевские, приказчица с дочерьми, хлупинские...», «и обед был славный: пирожное бланманже синее, красное и полосатое».

Старики Берестов и Муромский почти не говорят в повести, но и те несколько слов, которые они произносят, характерны для каждого из них. «Вот уж не угадаешь, my dear», — говорит англоман Муромский Лизе. Он же претенциозно замечает: «не вхожу в тайны дамского туалета...». «Настоящий русской барин» Берестов успокаивает непокорного сына народной пословицей: «Стерпится — слюбится».

Заканчивая анализ лексики повести, приведу слова Н. О. Лернера: «Пушкинский слог можно определить именно как блистательный образец художественной простоты, достигаемой самыми разнообразными средствами, которыми поэт распоряжается с самодержавной властью великого гения, прорубающего свою дорогу. Галлицизмы мелькают рядом с славянизмами, новые, еще почти чуждые русскому уху, слова стоят рядом с ветшающими старинными формами»³.

¹ А. Цейтлин, Цитиров. работа, стр. 170.

² А. Лежнёв. Цитиров. работа, стр. 162.

³ Н. О. Лернер. Цитиров. работа, стр. 25.